

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

в

БОЛЬШИЕ КНИГИ

Василий
Аксёнов

ОСТРОВ КРЫМ
♦
В ПОИСКАХ
ЖАНРА
♦
ЗОЛОТАЯ НАША
ЖЕЛЕЗКА

Издательство «Азбука»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
А 42

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Егора Саламашенко

ISBN 978-5-389-22488-9

© В. П. Аксёнов (наследники), 2023
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство АЗБУКА®

ОСТРОВ КРЫМ

І. ПРИСТУП МОЛОДОСТІ

Всякий знает в центре Симферополя среди его сумасшедших архитектурных экспрессий дерзкий в своей простоте, похожий на очиненный карандаш небоскреб газеты «Русский Курьер». К началу нашего повествования, на исходе довольно сумбурной редакционной ночи, весной, в конце текущего десятилетия или в начале будущего (зависит от времени выхода книги), мы видим издателя-редактора этой газеты сорокашестилетнего Андрея Арсеньевича Лучникова в его личных апартаментах, на «верхотуре». Этим советским словечком холостяк Лучников с удовольствием именовал свой плейбойский пентхауз.

Лучников лежал на ковре в йоговской позе абсолютного покоя, пытаясь вообразить себя перышком, облачком, чтобы затем и вообще как бы отлететь от своего восьмидесятикилограммового тела, но ничего не получалось, в голове все время прокручивалась редакционная шелуха, в частности невразумительные сообщения из Западной Африки, поступающие на телетайпы ЮПИ и РТА: то ли марксистские племена опять ринулись на Шабу, то ли, наоборот, команда европейских головорезов атаковала Луанду. Полночи возились с этой дребеденью, звонили собору в Айвори, но ничего толком не выяснили, и пришлось сдать в набор невразумительное: «По неопределенным сообщениям, поступающим из...»

Тут еще последовал совершенно неожиданный звонок личного характера: отец Андрея Арсеньевича просил его приехать, и непременно сегодня.

Лучников понял, что медитации не получится, поднялся с ковра и стал бриться, глядя, как солнце в соответствии с законами современной архитектуры располагает утренние тени и полосы света по пейзажу Симфи.

Когда-то был ведь заштатный городишко, лежащий на унылых серых холмах, но после экономического бума ранних соро-

ковых Городская управа объявила Симферополь полем соревнования самых смелых архитекторов мира, и вот теперь столица Крыма может поразить любое туристское воображение.

Площадь Барона, несмотря на ранний час, была забита богатыми автомобилями. Уик-энд, сообразил Лучников и стал активно включаться на своем «Питере-турбо», подрезать носы, гулять из ряда в ряд, пока не влетел в привычную улочку, по которой обычно пробирался к Подземному Узлу, привычно остановился перед светофором и привычно перекрестился. Тут вдруг его обожгло непривычное: на что перекрестился? Привычной старой церкви Всех Святых, в Земле Российской Воссиявших, больше не было в конце улочки, на ее месте некая овальная сфера. На светофор, значит, перекрестился, ублюдок? Совсем я зашорился со своей «идеей», со своей газетой, отца Леонида уже год не посещал, крещусь на светофоры.

Эта его привычка класть кресты при виде православных мажорков здорово забавляла новых друзей в Москве, а самый умный друг Марлен Кузенков даже увещевал его: Андрей, ведь ты почти марксист, но даже и не с марксистской, с чисто экзистенциальной точки зрения смешно употреблять эти наивные символы. Лучников в ответ только ухмылялся, и всякий раз, увидев золотой крест в небе, быстренько, как бы формально, отмахивал знамение. Он-то как раз казнил себя за формальность, за суетность своей жизни, за удаление от Храма, и вот теперь ужаснулся тому, что перекрестился просто-напросто на светофор.

Мутная изжога, перегар газетной ночи, поднялась в душе. Симфи даже ностальгии не оставляет на своей территории. Переключили свет, и через минуту Лучников понял, что овальная, пронизанная светом сфера — это и есть теперь церковь Всех Святых, в Земле Российской Воссиявших, последний шедевр архитектора Уго ван Плюса.

Автомобильное стадо вместе с лучниковским «Питером» стало втягиваться в Подземный Узел, сплетение тоннелей, огромную развязку, прокрутившись по которой машины на большой скорости выскакивают в нужных местах Крымской системы фривеев. По идее, подземное движение устроено так, что машины набирают все большую скорость и выносятся на горбы магистралей, держа стрелки уже на второй половине спидометров. Однако идею эту с каждым годом осуществить становилось труднее,

особенно во время уик-эндов. Скорость в устье тоннеля была не столь высока, чтобы нельзя было прочесть аршинные буквы на бетонной стенке ворот. Этим пользовались молодежные организации столицы. Они спускали на канатах своих активистов, и те писали яркими красками лозунги их групп, рисовали символы и карикатуры. Зубры в Городской Думе требовали «обуздать мерзавцев», но либеральные силы, не без участия, конечно, лучниковской газеты, взяли верх, и с тех пор сорокаметровые бетонные стены на выездах из Узла, измазанные сверху донизу всеми красками спектра, считаются даже чем-то вроде достопримечательностей столицы, чуть ли не витринами островной демократии. Впрочем, в Крыму любая стенка — это витрина демократии.

Сейчас, выкатываясь из Восточных ворот, Лучников с усмешкой наблюдал за трудом юного энтузиаста, который висел паучком на середине стены и завершал огромный лозунг «Коммунизм — светлое будущее всего человечества», перекрывая красной краской многоцветные откровения вчерашнего дня. На заду паренька на выцветших джинсах красовался сверкающий знак «серп и молот». Временами он бросал вниз, в автомобильную реку, какие-то пакетики-хлопушки, которые взрывались в воздухе, опадая агитационным конфетти.

Лучников посмотрел по сторонам. Большинство водителей и пассажиров не обращали на энтузиаста никакого внимания, только через два ряда слева из «каравана-фольксвагена» махали платками и делали снимки явно хмельные британские туристы да справа рядом в роскошном сверкающем «руссо-балте» хмурил брови пожилой врэвакуант.

Вылощенный, полный собственного достоинства мастодонт чуть повернул голову назад и что-то сказал своим пассажирам. Две мастодонтихи поднялись из мягчайших кожаных глубин «руссо-балта» и посмотрели в окно. Пожилая дама и молодая, обе красавицы, не без интереса, прищуренными глазами взирали — но не на паучка в небе — на Лучникова. Белогвардейская сволочь. Наверное, узнали: позавчера я был на ТВ. Впрочем, все врэвакуанты так или иначе знают друг друга. Должно быть, эти две сучки сейчас обсуждают, где они меня могли встретить — на вторниках у Беклемишевых, или на четвергах у Оболенских, или на пятницах у Нессельроде... Стекла в «руссо-балте» поползли вниз.

— Здравствуйте, Андрей Арсеньевич!

— Медам! — восторженно приветствовал попутчиц Лучников. — Исключительно рад! Вы замечательно выглядите! Едете для гольфа? Между прочим, как здоровье генерала?

Любого врэвакуанта можно смело спрашивать «между прочим, как здоровье генерала»: у каждого из них есть какой-нибудь одряхлевший генерал в родственниках.

— Вы, должно быть, не узнали нас, Андрей Арсеньевич, — мягко сказала пожилая красавица, а молодая улыбнулась. — Мы Нессельроде.

— Помилуйте, как я мог вас не узнать, — продолжал ерничать Лучников. — Мы встречались на вторниках у Беклемишевых, на четвергах у Оболенских, на пятницах у Нессельроде...

— Мы сами Нессельроде! — сказала пожилая красавица. — Это Лидочка Нессельроде, а я Варвара Александровна.

— Понимаю, понимаю, — закивал Лучников. — Вы Нессельроде, и мы, конечно же, встречались на вторниках у Беклемишевых, на четвергах у Оболенских и на пятницах у Нессельроде, не так ли?

— Диалог в стиле Ионеско, — сказала молодая Лидочка.

Обе дамы очаровательно оскалились. «Что это они так любезны со мной? Я им хамлю, а они не перестают улыбаться. Ах да, ведь в этом сезоне я жених. Левые взгляды не в счет, главное — я сейчас „жених из врэвакуантов“. В наше время, милочка, это не так уж часто встретишь».

— Вы, должно быть, сейчас припустите на своем «турбо»? — спросила Лидочка.

— Иес, мэм. — Американский ответ Лучникова прозвучал весьма подозрительно для ушей русских дам.

— Наш папочка предпочитает «руссо-балт», а значит, плавное, размеренное движение, не лишнее, однако, стремительности. — Лидочка Нессельроде пыталась удержаться в «стиле Ионеско».

— Это сразу видно, — сказал Лучников.

— Почему? — спросила Варвара Александровна. — Потому что он ваш политический оппонент?

«Он, оказывается, мой политический оппонент!»

— Нет, сударыня, я сразу понял, что ваш папочка предпочитает «руссо-балт», когда я увидел его за рулем «руссо-балта».

Господин Нессельроде повернул голову и что-то сказал.

— Михал Михалыч интересуется, как здоровье Арсения Николаевича? — Именно в таком виде Варвара Александровна вынесла на поверхность высказывание супруга.

Глянув на летящие впереди на одной скорости автомобили и сообразив, что сейчас начнется подъем и стадо будет прорезаться, Лучников слегка сдвинул руль, приблизился к «руссо-балту» едва ли не вплотную и зашептал горячим шепотом чуть ли не в ухо госпоже Нессельроде:

— Я как раз еду к отцу и, значит, узнаю о его здоровье. Немедленно телеграфирую вам или позвоню. Давайте вообще сблизимся по мере возможностей. Я немолод, но холост. Левые взгляды не в счет. Лады?

Лучников поджал педаль газа, и его ярко-красный с торчащим хвостом спортивный зверь, рывкая турбиной, ринулся вперед, запетлял, меняя ряды, пока не выбрался из стада и не стал на огромной скорости уходить вверх по сверкающему на солнце горбу Восточного Фривея.

ВФ, вылетая из Симфи, набирает едва ли не авиационную высоту. Легчайший серебристый виадук с кружевами многочисленных съездов и развязок, чудо строительной техники. «Приезжайте в Крым, и вы увидите пасторали XVIII века на фоне архитектуры XXI века!» — обещали туристские проспекты и не врали.

«Откуда все-таки взялось наше богатство?» — в тысячный раз спрашивал себя Лучников, глядя с фривея вниз на благодатную зеленую землю, где мелькали прямоугольные, треугольные, овальные, почковидные пятна плавательных «пулов» и где по вьющимся местным дорогам медленно в больших «кадиллаках» ездили друг к другу в гости зажиточные яки. Аморально богатая страна.

Он вспомнил Южную дорогу, или, как они говорят в Союзе, «трассу». Недавно они ехали по ней на «Волге» со старым московским другом Лучникова, разжалованным кинорежиссером Виталием Гангутом.

Как назывался тот городок, где мы зашли в магазин? Фанеж? Нет — Фатеж. Разбитый асфальт главной площади и неизменная фигура на постаменте. Был ли там Вечный огонь? Нет, кажется, только областным центрам по статусу Вечный огонь. Да, в Фатеже не было Вечного огня. Хотя бы Вечного огня там не было.

— Сейчас увидишь наше изобилие, — сказал Виталий.

В магазине у прилавка стояли несколько женщин. Они обернулись и молча смотрели на вошедших. Может быть, приняли за иностранцев — странные сумки через плечо, странные куртки... Пока мы ходили и осматривали прилавки, женщины все время молча глядели на нас, но тут же отворачивались, если мы замечали это.

В общем, здесь не было ничего. Впрочем, не нужно преувеличивать, вернее, преуменьшать достижений: кое-что здесь все-таки было — один сорт конфет, влажные вафли, сорт печенья, рыбные консервы «Завтрак туриста»... В отделе под названием «Гастрономия» имелось нечто страшное — брикет мороженой глубоководной рыбы. Спрессованная индустриальным методом в здоровенную плиту, рыба уже не похожа была на рыбу, лишь кое-где на грязно-кровавой поверхности брикета виднелись оскаленные пасти, явившиеся в Фатеж из вечной мглы.

— Я вижу, у вас тут не все есть, — с подлой улыбочкой сказал женщинам Гангут.

— А что вам надо? — хмуро поинтересовались женщины.

— Сыру, — пробормотал Луч. — Хотели сырку купить. — Чудесная склонность советского населения к уменьшительным обозначениям продуктов была ему давно известна.

Женщины мило заулыбались. Вот эта способность русских баб мгновенно переходить от хмурости, мрачной настороженности к душевной теплоте — вот это клад! Непонятный чужой человек вызывает подозрительность, человек же, желающий сырку, сразу становится понятен, мил и сразу получает добрую улыбку.

— Сыр? Это у нас в военном городке бывает почти регулярно, — охотно стали объяснять женщины. — Двенадцать километров отсюда военный городок, сразу увидите.

— Понятно, понятно, — закивал Луч. — Мы на машине, это несложно...

— А масло? — продолжал провоцировать Гангут. — А насчет колбаски?

Однако лед был расколот, и ехидство московского интеллектуала пропало втуне.

— А это вам надо, друзья, в Орел ехать, — поясняли женщины. — У нас тут, врать не будем, колбасы не бывает. Масло иной раз подвозят, а за колбасу этого не скажешь. Надо в Орел ехать,

и то с утра только. В этот час уж все продано. Вы сами-то, друзья, куда едете?

— В Москву.

— Ну, там всего навалом! — радостно зашумели женщины.

Они повернули к машине.

— Ну, как по-твоему, что моральнее: супермаркет «Елисеев и Хьюз» или гастрономия в городе Фатеж? — спросил Гангут.

— Не знаю, что моральнее, но «Елисеев и Хьюз» — аморальнее, — мрачно ответил Луч.

— Значит, вечное издевательство над людьми и вечная тупая покорность менее аморальны? Тогда позволь тебе преподнести советский сувенир из глубины России, отвези его на Остров и угости друзей.

Гангут протянул Лучникову плоскую банку консервов. По боку банки виляла призванная возбуждать аппетит надпись: «Кальмар натуральный обезглавленный».

Воспоминания об этой банке, о городке Фатеж и еще какая-то гадость угнетали Лучникова. «Питер» гудел на высотной стальной дороге, солнце заливало благословенный край, в стекле спидометра отражались рыжие усы Лучникова, которые всегда ему были по душе, но весь сегодняшний день основательно угнетал Андрея Лучникова, и он ехал сейчас к отцу в дурном настроении. Кальмар натуральный обезглавленный? Такого рода воспоминания о континенте присутствовали всегда. Невразумительное сообщение из Западной Африки? Перекрестился на светофор? Встреча с этими дурацкими Нессельроде? Возраст, в конце концов, паршивое увеличение цифр.

Все это, конечно, дрянь, но дрянь обычная, нормальная. Между тем Лучникова — вот наконец-то нащупал! — угнетала какая-то странная тревога, необычное беспокойство. Что-то мелькнуло особенное в голосе отца, когда он произнес: «Нет, приезжай обязательно завтра». Что же это? Да просто-напросто слово «обязательно», столь несвойственное отцу. Он, кажется, никогда не говорил, даже в детстве Андрея, «ты обязательно должен это сделать». Сослагательное наклонение — вот язык Арсения Николаевича. «Тебе бы следовало сесть за книги...» «Я предложил бы обществу поехать на море...» В таком роде общался старый доброволец с окружающими. Явно вымученный императив в устах отца беспокоил и угнетал сейчас Лучникова.

Они виделись не так уж редко: собственно говоря, их разделяли всего один час быстрой езды по Восточному и полчаса кружения по боковым съездам и подъемам. Арсений Николаевич жил в своем большом доме на склоне Сюрю-Кая, и Андрей Арсеньевич любил бывать там, выбегать утром на плоскую крышу, ощущать внизу огромное свежайшее пространство, взбадриваться прыжками с трамплина в бассейн, потом пить кофе с отцом, курить, говорить о политике, следить за перемещением ярко раскрашенных турецких и греческих тральщиков, что промышляли у здешних берегов под присмотром серой щучки, островной канонерки. Крымчане берегли свои устричные садки, ибо знаменитые крымские устрицы ежедневно самолетами отправлялись в Париж, Рим, Ниццу, Лондон, а оставшиеся, самые знаменитые, подавались на стол в бесчисленных туристских рестораниках. Налоги же с устричных хозяйств шли напрямик в военное министерство, так что щука-канонерка берегла эти поля с особым тщанием.

Перед началом серпантина на Сюрю-Кая Лучников на минуту остановился у обочины. Он всегда так делал, чтобы растянуть чудесный миг — появление отцовского дома на склоне. Широчайшая панорама Коктебельской бухты открывалась отсюда, и в правом верхнем углу панорамы прямо под скальными стенами пилы-горы тремя белыми уступами зиждился отцовский дом.

Собственно говоря, здесь тоже не было никакой ностальгии. Арсений Николаевич построился здесь каких-нибудь восемь-десять лет назад, когда бурно разрослись в Восточном Крыму его конные заводы. В те времена параллельно с лошадиным бизнесом невероятно выросла и популярность Лучникова-старшего среди островного общества. Определенные круги даже намекали Арсению Николаевичу, что было бы вполне уместно выставление его кандидатуры на выборах Председателя Временной Думы, то есть практически крымского президента. Блестящих данных, дескать, Арсению Лучникову не занимать: один из немногих оставшихся участников Ледяного похода, боевой врэвакуант, профессор-историк, персона, «вносящая огромную лепту в дело сохранения и процветания русской культуры», и в то же время европеец с огромными связями в западном мире, да к тому же еще и миллионер-коннозаводчик, «способствующий экономическому процветанию Базы Временной Эвакуации», то есть Острова Крыма.

Уже и еженедельники начали давать репортажи об Арсении Лучникове, о его удивительном доме на диком склоне, о натуральной ферме за Святой горой, о новой породе скаковых лошадей, выведенной на его заводах. Стал уже создаваться имидж, «Лучников — Лук» — длинный худой старик со смеющимися глазами, одетый как юноша: джинсы и кожаная куртка.

Трудно сказать, намеренно или случайно отрезал себе Арсений Николаевич пути к президентству. Однажды в телеинтервью в ответ на вопрос: «А вас не смущает, что ваш удивительный дом стоит в сейсмически опасной зоне?» — он ответил:

— Было бы смешно жить на Острове Крым и бояться землетрясений.

Эта фраза вызвала бурный всплеск фаталистического веселья и странной бодрости: как смешно, в самом деле, бояться землетрясений под радарам, ракетами и спутниками красных, в восьмидесяти километрах от супердержавы, любимой и трижды проклятой исторической родины — СССР.

Однако вряд ли автор такого афоризма, способного восхитить снобов Симфи и космополитический сброд Ялты, может претендовать на президентское кресло. Пока еще ключи к политике Острова лежат в ладонях патриотов, истинных врэвакуантов, потомственных военных, сохраняющих уверенность в своих силах, стерегущих Крым до светлого дня Весеннего похода, до Возрождения Отчизны. Что касается современных левиафанов, милостивые государи, то... не нужно, конечно, обольщаться, но нельзя и забывать о нашем герое лейтенанте Бейли-Лэнде, и почему не вспоминать иногда о примере Израиля, о Давиде и Голиафе, о собственном славном опыте, когда небольшие наши, но ультра-современные «форсиз» в течение недели перемолотили огромную турецкую армию и заставили современных янычар заключить пакт дружбы. Так что, несмотря на постоянную и страшную опасность и даже именно в связи с этой опасностью, нам не нужен в президентах потенциальный пораженец. К тому же, господа, не грех вспомнить и о сыне, об Андрее Лучникове, этом вполне едва ли не коммунисте, который не вылезает из Москвы. Помилуйте, господа, но это уже не дело. Рассуждая таким образом, мы уподобляемся цэкистам-гэбистам, ущемляем священные принципы нашей демократии, да и какой Андрюша коммунист, я его знаю с детских лет. Хорошо, было бы уместно прекратить эту дискуссию, тема, кажется, исчерпана...

Примерно так представлял себе Лучников обсуждение «в кругах» кандидатуры своего отца. Он вспомнил об этом деле и сейчас, круга по серпантину Сюрю-Кая и приближаясь к «Каховке».

Как всегда, мысль о «кругах» наполнила его темным гневом. Паяцы и мастодонты, торгаши и дебилы, всерьез рассуждают, видите ли, о Возрождении! Богатые и безнравственные смеют считать себя хранителями русской культуры. С детства они талдычат нам о зверствах большевиков, но разве и вы не были зверьми? Красные расстреливали тысячами, вы вешали сотнями: нет, не белое знамя вы несли с Юга и Востока к Кремлю, но черное с кровью. Жажда мщения двигала вашими батальонами. Либералы вроде моего юнкера-отца или самого генерала Деникина не решались произнести при вас слово «республика», не решались заикнуться о разделе земли. Как красные презирали разогнанную «учредилку», так и вы ненавидели Учредительное выборное собрание российского народа. Даже и после поражения вы охотились за Милюковым, убили Набокова-старшего, а какой была бы охота после вашей победы? Вот и сейчас шесть десятилетий вы на своей Базе Временной Эвакуации наслаждаетесь комфортом, свободой и спокойствием, в то время, когда наш народ кровью истекал под сталинскими ублюдками, отражал с неслыханными жертвами нашествие наглых иностранных орд, прозябает в бесправии, темноте духовной, скудости и лжи и снова жертвует лучшими своими детьми, в то время, когда такие сложнейшие и драматические процессы происходят в России, вы все еще талдычите вставными челюстями о Весеннем походе...

Звук сирены сверху отвлек Лучникова от этих мыслей. Он притормозил и увидел прямо над собой за зарослями кизиловых кустов длинную фигуру отца в выцветшей голубой рубашке. Отец махал ему рукой и что-то кричал. За спиной у него светилась странная при ярком солнце фара маленького желтого бульдозера. Очевидно, именно из бульдозера он и просигналил сиреной.

— Андрей, не разгоняйся! — кричал отец.

Лучников медленно проехал вираж.

Молодой походкой, размахивая руками со свойственной ему внешней беззаботностью, отец шел навстречу.

— Вчера здесь случился камнепад, — объяснил он. — Я сейчас тут расчищаю бульдозером. Олл райт, закончу после обеда.

Арсений сел в машину к Андрею, и они медленно перевалили через опасный участок.

— Ну а теперь можно как обычно, — улыбнулся отец. — Не потерял еще класс?

Лучников до тридцати лет занимался автогонками почти профессионально, но никогда на шоссе или в городе этого не показывал, лишь на горных дорогах охватывал его иногда мальчишеский раж. Он подумал, что, может быть, отцу будет приятно увидеть в этом рыжем с сединой морщинистом дядьке прежнего своего любимого мальчишку, и стал подхлестывать свой «Питер» толчками по педали. Турбина рывкала. Они выскакивали на виражи, казалось, для того, чтобы лететь дальше в небо и в пропасть, но резко переключившись руль, выдергивалась кулиса, и со скрежетом на двух колесах — два других в воздухе — «Питер» вписывался в поворот.

— Bravo! — сказал отец, когда они влетели во двор «Каховки» и остановились мгновенно и точно в квадрате паркинга.

Резиденция Лучникова-старшего называлась «Каховкой» неспроста. Как раз лет десять назад Андрей привез из очередной поездки в Москву несколько грампластинок. Отец снисходительно слушал советские песни, как вдруг вскочил, пораженный одной из них.

Каховка, Каховка,
родная винтовка,
горячая пуля, лети!
.....
Гремела атака, и пули свистели,
и дробно стучал пулемет,
и девушка наша
в походной шинели,
горящей Каховкой идет.

Ты помнишь, товарищ,
как вместе сражались,
как нас оевала гроза?
Тогда нам с тобою сквозь дым улыбались
ее голубые глаза.

Отец прослушал песню несколько раз, потом некоторое время сидел молча и только тогда уже высказался:

— Стихи, сказать по чести, не вполне грамотные, но, как ни странно, эта комсомольская романтика напоминает мне собственную юность и наш юнкерский батальон. Ведь я дрался в этой

самой Каховке... И девушка наша Верочка, княжна Волконская, шла в шинели... по горящей Каховке...

Прелюбопытным образом советская «Каховка» стала любимой песней старого врэвакуанта. Лучников-младший, конечно же, с удовольствием подарил отцу пластинку: еще один шаг к Идее общей судьбы, которую он проповедовал. Арсений Николаевич сделал магнитную запись и послал в Париж, тамошним батальонцам: «Ты помнишь, товарищ, как вместе сражались...» Из Парижа тоже пришли восторженные отзывы. Тогда и назвал старый Лучников свой новый дом на Сьюрю-Кая «Каховкой».

— Еще не потерял класс, Андрюша.

Отец и сын постояли минуту на солнцепеке, с удовольствием глядя друг на друга. Разновысокие стены строений окружали двор: галереи, винтовые лестницы, окна на разных уровнях, деревья в кадках и скульптуры.

— Я вижу, у тебя новинка, — сказал Андрей. — Эрнст Неизвестный...

— Я купил эту вещь по каталогу, через моего агента в Нью-Йорке, — сказал Арсений и добавил осторожно: — Неизвестный, кажется, сейчас в Нью-Йорке живет?

— Увы, — проговорил Андрей, приблизился к «Прометею» и положил на него руку. Сколько раз он видел эту скульптуру и трогал ее в мастерской Эрика, сначала на Трубной, потом на улице Гиляровского.

Они прошли в дом и через темный коридор с африканскими масками по стенам вышли на юго-восточную, уступчатую, многоэтажную часть строения, висящую над долиной. Появился древний Хуа, толкая перед собой тележку с напитками и фруктами.

— Ю узлкам Андрюса синочек эз юзуаль канисна, — прошипел он сквозь остатки зубов, похожие на камни в устье Янцзы.

— Ты видишь, не прошло и сорока лет, а Хуа уже научился по-русски, — сказал отец.

Китаец мелко-мелко затрясся в счастливом смехе. Андрей поцеловал его в коричневую щеку и взял здоровенный бокал водкатини.

— Сделай нам кофе, Хуа.

Арсений Николаевич подошел к перилам веранды и позвал сына — глянь, мол, вниз — там нечто интересное. Андрей Арсеньевич глянул и чуть не выронил водкатини: там внизу на краю

бассейна стоял его собственный сын Антон Андреевич. Длинная и тонкая дедовская фигура Антошки, белокурые патлы перехвачены по лбу тонким кожаным ремешком, ярчайшие американские купальные трусы почти до колен. В расхлябанной наглой позе на лесенке бассейна стояло отродье Андрея Арсеньевича, его единственный сын, о котором он вот уже больше года ничего не слышал. В воде между тем плавали две гибкие девушки, обе совершенно голые.

— Явились вчера вечером пешком, с тощими мешками, грязные... — быстро, как бы извиняясь, заговорил Лучников-старший.

— Кажется, уже отмылись, — сухоовато заметил Лучников.

— И отъелись, — засмеялся дед. — Голодные были, как акулы. Они приплыли из Турции с рыбаками... Позови его, Андрей. Попробуйте все-таки...

— Анто-о-ошка! — закричал Лучников так, как он кричал когда-то, совсем еще недавно, будто бы вчера, когда в ответ на этот крик его сын тут же мчался к нему большими скачками, словно милейший дурашливый пес.

Так неожиданно произошло и сейчас. Антон прыгнул в воду, бешеным кролем пересек бассейн, выскочил на другой стороне и помчался вверх по лестнице, крича:

— Хай, дад!

Как будто ничего и не было между ними: всех этих мерзких сцен, развода Андрея Арсеньевича с матерью Антона, взаимных обвинений и даже некоторых пощечин; как будто не пропал мальчишка целый год черт знает в каких притонах мира.

Они обнялись и, как в прежние времена, повозились, поборолось и слегка побоксировали. Краем глаза Лучников видел, что дед сияет. Другим краем глаза он замечал, как вылезают из бассейна обе дивы, как они натягивают на чресла ничтожные яркие плавочки и как медленно направляются вверх, закуривая и болтая друг с другом. Мысль о лифчиках, видимо, не приходила им в голову, то ли за неимением таковых, то ли за неимением и самой подобной мысли.

— Познакомьтесь с моим отцом, друзья, — сказал Антон девушкам по-английски. — Андрей Лучников. Дад, познакомься, это Памела, а это Кристина.

Они были очень хорошенькие и молоденькие, если и старше девятнадцатилетнего Антона, то ненамного. Памела, блондинка

с пышной гривой выгоревших волос, с идеальными, будто бы скульптурными крепкими грудками. «Калифорнийское отродье вроде Фары Фасет», — подумал Лучников. Кристина была шатенка, а груди ее (что поделаешь, если именно груди девиц привлекали внимание Лучникова: он не так уж часто бывал в обществе передовой молодежи), груди ее были не столь идеальны, как у подружки, однако очень вызывающие, с торчащими розоватыми сосками.

Девицы вполне вежливо сказали «nice to meet you» — у Кристины был какой-то славянский акцент — и крепко, по-мужски пожали руку Лучникова. Они подчеркнуто не обращали внимания на свои покачивающиеся груди и как бы предлагали и окружающим не обращать внимания — дескать, что может быть естественнее, чем часть человеческого тела? — и от этой нарочитости, а может быть, и просто от голода у Лучникова зашевелился в штанах старый друг, и он даже разозлился: вновь возникала проклятая, казалось бы, изжитая уже в сумасшедшей череде дней зависимость.

— Вы, должно быть, из «уименс-либ», бэби? — спросил он девушек. Яростное возмущение. Девчонки даже присвистнули.

— Мы вам не бэби, — хрипловато сказала Кристина.

— Male chauvinist pig, — прорычала Памела и быстро, взволнованно стала говорить подружке: — Из их поколения этой гадости уже не выбьешь. Обрати внимание, Кристи, как он произнес это гнусное словечко «бэби». Как будто в фильмах пятидесятих годов, как будто солдат проституточкам!..

Лучников облегченно расхохотался: значит, просто обыкновенные дуры! Дружок в штанах тоже сразу успокоился.

— Ребята, вы не обижайтесь на моего дадди, — сказал Антон. — Он и впрямь немного олд-таймер. Просто вы его своими титьками взволновали.

— Простите, джентльмены, — сказал Лучников девушкам. — Я действительно невпопад ляпнул. Грехи прошлого. Почувствовал себя слегка в бордельной обстановке. Ведь я именно солдатфон пятидесятих.

— Будем обедать, господа? — спросил Арсений Николаевич. — Здесь или в столовой?

— В столовой, — сказал Антон. — Тогда девки, может быть, оденутся. А то бедный мой папа не сможет съесть ни кусочка.

Аксёнов В.

А 42 Остров Крым ; В поисках жанра ; Золотая наша Железка : роман, повести / Василий Аксёнов. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 704 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-22488-9

Произведения Василия Аксёнова, одного из культовых русских писателей, хорошо известны не только в России, но и за рубежом. Не один десяток лет он оставался голосом своего поколения, откликаясь блистательной прозой на самые сложные и актуальные темы. Знаменитый роман «Остров Крым» был написан в 1977–1979 годах, еще до отъезда автора из СССР, но впервые опубликован уже в США в 1981 году. Русские читатели смогли познакомиться с ним только в 1990 году и уже тогда были поражены и смелым сюжетным ходом (что если бы Крым был полноценным островом и что если бы в ходе Гражданской войны он отошел к белым?), и незаурядным аксёновским даром предвидения. Это одно из тех подлинно классических произведений, которые со временем не только не устаревают, но приобретают новые и новые смыслы. В настоящее издание также вошли экспериментальная повесть-путешествие «В поисках жанра» (1972) и повесть «Золотая наша Железка» (1973). Насыщенная точными деталями, ироничная, сочетающая обыденное и возвышенное, исповедальное и игровое, проза Аксёнова дарит читателям непреходящее ощущение свободы и полноты бытия.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

ВАСИЛИЙ ПАВЛОВИЧ АКСЁНОВ
ОСТРОВ КРЫМ
В ПОИСКАХ ЖАНРА
ЗОЛОТАЯ НАША ЖЕЛЕЗКА

Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Юлия Теплова, Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 05.12.2022. Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 2500 экз. Усл. печ. л. 44. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

A-ARL-31465-01-R